

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1'04:81'373.612

**ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ ИМЁН
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
(на материале русского языка конца XV – XVII в.)****Е.В. Генералова***Аннотация**

В статье поднимается вопрос о неоднозначности деления прилагательных на лексико-грамматические разряды и рассматривается подвижность границ между разрядами прилагательных в истории русского языка на материале картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв.». Анализ языкового материала показывает, что границы между лексико-грамматическими разрядами были более устойчивыми, чем в современном русском языке. Можно предположить зависимость развития новой категориальной семантики от принадлежности прилагательного к определённой лексико-семантической группе, его словообразовательной и семантической структуры и частотности, а также от типа текста.

Ключевые слова: имя прилагательное, разряд, русский язык конца XV – XVII в., семантика, лексика.

Конец XV – XVII в. – важный этап в становлении русского языка, так называемый московский (старорусский) период, в который создаются предпосылки для формирования основы национального языка. Унаследованные современным языком словарный состав и семантические отношения между его единицами во многом формируются в это время. «Общепринятая обиходно-разговорная речь была естественным и даже в чём-то знаковым компонентом словарного состава литературного языка национальной эпохи», то есть «одним из основных формирующих звеньев нашего языка» [1, с. 103]. И именно в языке конца XV – XVII в. берёт начало ряд активных процессов современного русского языка.

В настоящей статье рассматривается один из таких процессов – развитие семантики имён прилагательных (ИП), характеризуется подвижность границ между лексико-грамматическими разрядами ИП в истории языка. Базой исследования послужили в первую очередь материалы «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв.» (5 выпусков вышли под ред.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-04-00423а).

О.С. Мжельской) и находящейся в Межкафедральном словарном кабинете СПбГУ картотеки этого словаря (более 450 000 единиц).

Истоки формирования богатства и своеобразия русской языковой системы (в частности, за счёт ИП) уходят в XVI – XVII вв. Анализ языкового материала показывает, что именно в этот период фактически складывается специфическая система русских ИП с её многообразием способов характеристики, возможностью выражения тонких семантических нюансов, богатой синонимией и развитой стилистической дифференциацией.

1. Вопрос о лексико-грамматических разрядах имён прилагательных в синхронии и диахронии

Проблема разделения ИП на лексико-грамматические разряды неоднозначна. Выделение основных групп признаков слов восходит ещё к античной традиции. В истории отечественной лингвистики к этой проблеме обращались такие известные учёные, как М.В. Ломоносов, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, А.М. Пешковский и др., предлагая различные классификации. Однако и на сегодняшний день нет единой точки зрения ни по поводу количества разрядов прилагательных (мнения варьируются от отрицания выделения таких разрядов, общего деления на две основные группы (качественные и относительные) до выделения пяти групп), ни по поводу оснований выделения разрядов (в применении к материалу европейских языков чаще учитываются синтаксический и грамматический критерии, в применении к русскому языку – сочетание грамматических и семантических признаков в разной степени), ни по поводу устойчивости границ этих групп. В настоящей работе выделяются традиционные в русском языке (начиная с работ А.А. Шахматова) разряды ИП: качественные, относительные, тяжательные.

Принципиальным представляется положение о связи семантики прилагательного с его разрядом: «Граница между качественными и относительными прилагательными очень подвижна и условна. Она, по большей части, проходит внутри одного и того же слова, будучи обусловлена дифференциацией его значений» [2, с. 170]; «В области имён прилагательных решающую роль играет семантика слова, только она определяет возможность образовать от него степени сравнения, краткую форму, наречия на *-о*, существительное со значением отвлечённого качества» [3, с. 130]. Учитывая главенство семантического критерия при определении разряда ИП, а также некоторую случайность факта письменной фиксации той или иной формы в истории языка, рассмотрим прежде всего семантические основания выделения разрядов ИП в языке конца XV – XVII в. и именно с точки зрения семантики – чёткость таких границ.

По наблюдениям ряда исследователей, изменения в семантике ИП не резки, они постепенно накапливаются в их сочетаемости [4, с. 240]. Семантика ИП в истории языка отличается особенно сильной контекстуальной обусловленностью, именно новый контекст – источник полисемии. Например, лексема *дровяной* развивает семантику ‘относящийся к дровам’ (*дровеная сѣчка*), ‘такой, в котором заготавливают дрова’ (*дровяной лѣс*), ‘предназначенный для хранения дров’ (*дровяной двор*), ‘связанный с уплатой налога на рубку дров’ (*дровяные денги*); у слова *выемка* прилагательное фактически формирует значение

словосочетания и даже существительного: *лесная выемка* ‘вырубка леса’, *питейная выемка* ‘изъятие при обыске необъявленных спиртных напитков’ и т. д. Новая семантика формируется именно в результате особой лексической сочетаемости признакового слова: например, в обиходном языке производные от обозначений лиц и событий, особо почитаемых в христианской религии, повсеместно определяют лексемы, называющие служителей церкви, и приобретают таким образом новую семантику ‘служащий в церкви, посвящённой...’: *архангелский дьяконь*, *георгиевской попь*.

В русском языке конца XV – XVII в. на основе изучения семантики обнаруживаются все традиционно выделяемые разряды ИП, и в их функционировании выделяется ряд особенностей.

1.1. Относительные прилагательные в русском языке конца XV – XVII в.

Наиболее широко в русском языке рассматриваемой эпохи представлены относительные ИП, и это не просто общая лингвистическая закономерность¹, а характерная особенность языка этого времени. Период XVI – XVII вв. – «золотой век» относительных ИП в русском языке. В это время увеличивается количество ИП в целом: например, в алфавитном отрезке на букву Г (бесприставочные лексемы, в значительной мере – исконный русский корневой фонд) в «Словаре древнерусского языка (XI – XIV вв.)» [6] ИП составляют 20.75% от общего словарного состава, а в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв.» [7] – 24.55% (248 слов из 1010). И развитие фонда ИП происходит в XVI – XVII вв. именно за счёт увеличения количества ИП с относительной семантикой, которые активно образуются практически от любого существительного (ср. *штiefимочный*, *дуборезский*, *бескуфейный*). В текстах часто соседствуют несколько ИП подряд, согласуясь с одним существительным: *А приданого... тритцать платков камчатых гафлеровых и кармонковых и рупковых* (МДБП, 1698 г.); *Волосу лошадиного гривного хвостоваго купать фунтъ по 1 алтыну* (Торг. Кн. (С), 1575–1610 гг.).

На основе памятников обиходного и делового языка этого времени выделяется ряд лексико-семантических групп отсубстантивных ИП, реализующих в памятниках относительную семантику: ‘сделанный, изготовленный из чего-либо’ (*алебастровый*, *аспидный*, *серебряный* и др.), в частности, ‘сшитый из определённого сорта ткани’ (*байберековый*, *армячный*, *камчатный* и др.); ‘содержащий какую-либо меру’ (*ведерный*, *аршинный*, *гарнецовый* и др.); ‘проживающий в каком-либо месте’ (*арзамасский*, *курский*, *далматский* и др.); ‘происходящий в какое-либо время’ (*годовой*, *зимний*, *августовский* и др.) и т. д. Характерно, что возникают не только новые лексемы, но и лексические объединения: А.А. Бурыкин пишет, например, о возникновении в деловых документах второй половины XVII в. группы ИП, образованных от числительных и являющихся наименованиями мер веса моржового клыка (*кость четверная*, *пятерная*, *шестерная* и т. д.) [8].

¹ «Производство имён прилагательных даёт чёткую картину противопоставления разрядов качественных и относительных имён по степени активности. В то время как рождаются десятки суффиксальных относительных прилагательных от всё новых наименований... суффиксальное производство качественных прилагательных даёт единицы» [5, с. 124].

ИП обозначают отношения разного рода, далеко не всегда сводимые к исключительно относительной семантике, трансформируемой в сочетании «существительное + существительное в родительном падеже» и описываемой в словарях отсылочно. Можно говорить о типовых значениях, развиваемых лексемами одного словообразовательного типа в часто встречающихся контекстах. Например, ИП, образованные от названий деревьев, имеют собственно относительное значение (*буковое древо, березовый пень, еловая шишка*), семантику ‘изготовленный из древесины такого дерева’ (*яблонный выносник, березовые дрова, сосновая доска*) с оттенком ‘построенный из досок, брёвен из древесины такого дерева’ (*березовая изба, погреб дубовой, еловый сруб*), ‘состоящий из деревьев такой породы’ (*дубовый лесок, сосновый бор, яблонной сад*), ‘поросший лесом, состоящим из деревьев такой породы’ (*березовый лужок, дубовой островок, ольховое болото*).

На этом фоне всегда интересно изучение развития нетипичной семантики: например, у некоторых ИП появляется семантика ‘полученный в результате сжигания дров из соответствующей древесины’ (*дубовое уголье, сосновое уголье*), прилагательное *еловый* известно в составе устойчивого сочетания *еловая сера* ‘смола’, прилагательное *вишнёвый* – в составе сочетания *вишневый клей* ‘густой сок (камедь) из коры вишнёвого дерева’, прилагательное *вербный* – в составе сочетания *Вербное воскресенье* ‘православный церковный праздник (воскресенье за неделю до Пасхи), знаменующий вход Иисуса Христа в Иерусалим’ (в обиходном языке часто использовалось при обозначении срока, определённого отрезка времени).

1.2. Качественные прилагательные в русском языке конца XV – XVII в.

Особенностью функционирования качественных ИП в языке этого периода является их небольшое количество: в языке используются базовые слова, входящие в основной словарный фонд, доминанты синонимических рядов (*большой, прямой, долгий, горячий* и др.). Но немногочисленность компенсируется высокой частотностью ИП качественной оценки и широтой их семантики: будучи использованы в самых разных типах контекстов, качественные ИП обладают широкой, иногда даже синкретичной (недифференцированной) и диффузной (допускающей совмещение нескольких значений) семантикой. Например, прилагательное *бедный* наряду со значениями ‘неимущий, не имеющий достаточных средств к существованию’, ‘несчастный, вызывающий жалость’ и ‘находящийся в бедственном положении’ развивает характерную для языка деловых памятников XVI – XVII вв. синкретичную семантику ‘нуждающийся в сострадании и помощи, беззащитный’, часто используясь как традиционный эпитет челобитчика: *А ныне мы, бедные, от разоренья помираем голодную смертью и наги и боси* (РД III, 1672 г.); *Умилис надо мною над такою бедною безродною и над детми* (ИНРЯ, 1696 г.). Ср. также неразграничение отдельных качественных значений (при общей положительной оценке) прилагательного *добрый*: *На людеи она [Ониска] дурнымъ ничем не похвалялас жена де она добрая* (МДБП, 1643 г.) (совмещение значений ‘добродетельный, достойный, уважаемый’ и ‘добросердечный’); *Писано к нам, холопом твоим, отведен ли по посольскому договору твоим государевым торговым людем в Стекольне на приезд двор*

и какой двор отведен, *добр* ли или обычной, и в какове месте (РШЭО, 1636 г.) ('большой, просторный' и 'отличающийся хорошими качествами').

В период начала сложения национального языка, развивая разнообразную семантику, ИП качественной оценки проходят стадию стратификации (выстраиваясь в синонимические ряды, закрепляясь как базовые и периферийные в языке) и семантической определённости.

1.3. Притяжательные прилагательные в русском языке конца XV – XVII в. При всей замкнутости этой группы в языке конца XV – XVII в. имеется значительное количество притяжательных ИП. Это во многом объяснимо необходимостью обозначения в деловых документах хозяина описываемой собственности и категорий зависимых людей. Со значением 'принадлежащий кому-либо' широко используются исконные по образованию лексемы с суффиксами *-ий, -ин, -ов* (*бабий, отцов, боярынин*) и вторичные (*дядинский, ивановский*), образованные и от апеллятивов, и от имён собственных.

2. Подвижность границ между разрядами имён прилагательных в истории языка

Анализ функционирования ИП в исторических текстах подтверждает положение о том, что семантика прилагательного зависит от его сочетаемости и общего контекста, и разряд прилагательного может быть определён именно на основе значения в конкретном контексте. Разряд ИП, таким образом, выступает не как постоянная частеречная характеристика прилагательного-лексемы, а как характеристика ЛСВ прилагательного в определённом значении. Можно говорить об изначальном разряде ИП (как и об исконном значении ИП) и об основном разряде ИП в соответствии с прямым значением, определяемым на основе функционирования в тексте. Следовательно, принадлежность ИП к тому или иному разряду определяется на синхронном уровне развития языка и может динамически изменяться во времени.

При разграничении ИП всех трёх разрядов в языке конца XV – XVII в. (то есть ИП, обнаруживающих в текстах семантику отношения к предмету, семантику качественной оценки и семантику принадлежности) возникает вопрос, насколько устойчивыми были границы этих разрядов в истории языка. Для выяснения этой проблемы необходимо рассмотреть контексты, в которых появляется новое, нехарактерное значение ИП.

2.1. Граница между относительными и притяжательными ИП. Очень подвижной, как показывает языковой материал, является граница между притяжательными и относительными ИП. Лексемы обоих разрядов используются как с семантикой принадлежности кому-либо, так и с семантикой отношения. Примером может служить использование исконно относительного прилагательного *боярский* с притяжательной семантикой 'принадлежащий боярину' (*Вели, г., пустить крестьянишек моих в свой в боярской лес для дровишек* (АХБМ II, 1660 г.)) при относительной семантике притяжательного по происхождения прилагательного *бояриновый* (*Бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Репнинъ съ Москвы выгхалъ и будетъ вскорь на бояриново мѣсто князь Григорьево Семеновича*

Куракина (А. Ивер. м., 1661 г.)). Одна и та же лексема может встречаться несколько раз не только в одном памятнике, но даже в одном контексте с разной семантикой: *А велъль есми ему в тѣх монастырских лѣстѣх тѣх людеи всѣх имати, которые без монастырскаго доклада въ их лѣсы поѣдут* (АСЭИ 1, 1485 г.).

Лексико-семантическая система языка конца XV – XVII в. осложнена очень развитой словообразовательной синонимией, относительные и притяжательные ИП в этот период часто используются в синонимичных контекстах, развивая и относительную, и притяжательную семантику: см. ряды *архиепископий* – *архиепископий* – *архиепископлев* – *архиепископов* – *архиепископский*, *бабий* – *бабин* – *бабкин*, *батьков* – *батьюшкин* – *батьюшков*, *братий* – *братний* – *братский*, *маткин* – *материн* – *матушкин* и др. В широко распространённых устойчивых сочетаниях, указывающих на разные виды социальной зависимости, также повсеместно используются и притяжательные, и относительные по происхождению ИП, выступая как равноправные в лингвистическом отношении: *бобыль попов*, *дети боярские*.

О переходе ИП из разряда в разряд (смене разряда) можно говорить при потере ИП исходных характеристик одного разряда (семантических, грамматических, словообразовательных) и приобретении новых, и такой переход может быть узуальным и контекстуальным. В абсолютном большинстве случаев такой переход фиксируется как диахроническое явление – при сравнении семантики ИП в языке разных эпох. Так, в современном языке прилагательное *затейный* известно с семантикой ‘искусный; необычный’ (*затейные рисунки*, *затейный слог*, *затейная штучка*) и является качественным, а в языке конца XV – XVII в. оно функционирует исключительно с относительной семантикой ‘содержащий донос, основанный на поклёпе, ложной информации’ (*затейное челобитье*, *затейное письмо*, *затейное дело*) или ‘подстрекающий к смуте, восстанию’ (*затейное слово*, *затейные речи*)².

Если многозначные ИП имеют разную категориальную семантику на одном синхронном уровне, можно говорить о частичном (неполном) переходе или развитии новой категориальной семантики у ИП исконно других разрядов. Такая недифференциация в употреблении притяжательных и относительных ИП должна быть интерпретирована либо как повсеместное развитие притяжательной семантики у относительных ИП и относительной – у притяжательных (в ряде случаев это наследие более старого языкового состояния), либо как свидетельство отсутствия категориальной границы между этими ИП (неслучайно, например, в «Русской грамматике» 1980 г. притяжательные ИП включены в разряд относительных и рассматриваются как частный случай выражения отношения к предмету [9, с. 538–539]).

2.2. Приобретение относительными и притяжательными ИП качественной семантики. Интересные выводы позволяет сделать исследование приобретения относительными и притяжательными ИП качественной семантики, сопровождающегося и сменой грамматических характеристик. Анализ языкового

² При этом значение производящего существительного *затея* меняется в истории русского языка не так кардинально: с течением времени у него появляется значение ‘забава, развлечение’ при сохранении и первоначальной семантики ‘умысел, замысел, начинание’, зафиксированной в языке XVI – XVII вв.

материала показал, что в истории языка таких случаев значительно меньше, чем на современном этапе. В языке конца XV – XVII в. единственным регулярным и повсеместным процессом такого рода является образование цветообозначений на базе относительных ИП (см., например, [10–12] и др.). Относительные ИП, обозначающие материал или основную составляющую субстанцию (*брусничный, дымчатый, аспидный, песочный, мясной, кирпичный* и др.) постоянно используются в памятниках этого периода как цветообозначения. При этом они употребляются и с исконной относительной семантикой, и с новой, качественной, ср.: *вишневый* ‘относящийся к вишне’ (*лъторасли сливные или вишневые*), ‘состоящий из вишнёвых деревьев или кустов’ (*сад яблановаи и вишневый*), ‘приготовленный из ягод вишен’ (*морс вишневый*) и ‘тёмно-красный, цвета ягод вишни’ (*отлас вишнев*); *брусничный* ‘приготовленный с брусникой’ (*леваши ягодные... брусничные*) и ‘тёмно-розовый, цвета ягод брусники’ (*зуфь бруснична*).

Полного перехода относительных ИП в качественные ещё не происходит (например, известное в современном языке уже только как цветообозначение *дымчатый* в этот период сохраняет и относительную семантику ‘такой, из которого идёт дым’, ‘обработанный дымом’). Словообразовательная вариативность позволяет выступать в качестве синонимов-цветообозначений ИП, различающимся по своей относительной семантике: так, синонимами в значении ‘красновато-коричневый цвет’ являются *глиняный, глинный, глинастый*, притом что лексема *глиняный* имеет семантику ‘сделанный из глины’ (*таз глиняной*), ‘состоящий из строений, сделанных из глины’ (*городок глиняной*), *глинный* – ‘текущий по глинистой почве; с содержанием глины’ (*в ручай в глинный*), *глинастый* – ‘содержащий большое количество глины’ (*глинастая земля*).

Соответствующие относительные ИП развивают качественную семантику, определяя предметы такого цвета (*Февраля въ 1 день даль вписи архимандритъ Иларионъ по родителехъ своихъ, по 3 имянехъ, мятель вишневова сукна, нашивка шолк гвоздишной, подкладка киндякъ таусинной, подушонъ покровью, за 10 рублевъ* (Вкл. Нижегород., 1657 г.)) и существительное *цвет* (*В другом сундуке сукна гвоздичного цвѣту пол 2 аршина* (МДБП, 1676 г.); [Рукавицы] *Дымчатой цвѣтъ* (Савваитов, 1682 г.)). Однако этот семантический процесс – единственная регулярная тенденция развития качественной семантики у относительных ИП в русском языке XV – XVII вв.

В современном русском языке качественное значение (часто обозначение человеческих качеств) регулярно развивают ИП с основным притяжательным значением (*медвежьи повадки, материнские чувства, дедовский порядок*), относительные ИП, обозначающие материал (*золотой характер, железный человек, шелковый ребенок*) и др. В языке XV – XVII вв. такие примеры единичны, что свидетельствует об отсутствии регулярного семантического процесса. Намечаются лишь тенденции в отношении развития семантики качественной оценки у относительных и притяжательных ИП.

Притяжательные ИП, производные от названий животных, не развивают ещё полноценной качественной семантики (ср. в современном русском языке *волчий аппетит* ‘неутолимый, очень сильный’). Однако в памятниках определённого жанра, прежде всего в произведениях демократической сатиры XVII в.,

производные от названий животных ИП, функционируя в несвойственных им контекстах и сочетаясь с новым кругом существительных, обнаруживают семантику 'такой, как у соответствующего животного': *Сице рече прекрасная девица ко младому отроку: «Кошачье видѣние... сычевые глаза, медвежья голова, щучьи зубы, северяней нос, волчей рот...»* (Сказ.³, XVII в.). Такое значение – переходная ступень на пути образования качественной семантики: далее следует выделение качества, общего у соответствующего животного и объекта описания, и закрепление за прилагательным семантики обозначения этого качества. Свидетельство незавершённости процесса обнаруживается и в том, что в основном описываются внешние черты, а не внутренние качества, психологизм и степень абстракции еще мало типичны для средневекового мышления.

Единичны и контексты, в которых относительные ИП, обозначающие материал, развивают, возможно, переносное значение, ср.: *Желѣзные руки и съ огня волокуть* (Сим. Посл., XVII в.); *Душечка еси ты прекрасная девица! ...бумажное твое тѣло, сахарныя твои уста...* (Сказ., XVII в.). Ввиду единичности и специфичности контекстов (поговорка и сатирическое произведение) можно усомниться, что такая семантика была узуальной.

В современном языке тенденцию к развитию качественной семантики обнаруживают даже такие не склонные к формированию переносных значений ИП, как образованные от этнонимов и топонимов (эта тенденция прослеживается в литературе и публицистике с XIX в.), ср.: *самый европейский город Латинской Америки, горделивый Буэнос-Айрес* (В. Аксёнов. Таинственная страсть (2007)); *изысканный, самый французский из всех музыкальных проектов* (А. Володин. Наши слева (2002)) (НКРЯ). Появление такой семантики связано с отражением в языке этностереотипов (см. подробнее [13]). Несмотря на то что оттопонимические ИП широко распространены в языке конца XV – XVII в., являясь основным для того времени указанием на связь человека с определённой местностью (*арзамасский житель, московский пушкарь*), используясь в устойчивых сочетаниях и развивая целый ряд типовых значений (см. [14]), в этот период не фиксируется ни одного случая использования таких ИП с семантикой, приближающейся к качественной.

Можно предположить определённую зависимость развития качественной семантики от словообразовательной структуры относительных ИП. Так, тенденцию к развитию качественной семантики обнаруживают ИП, образованные от абстрактных существительных (*государственный, братственный*). У прилагательного *государственный*, имеющего относительные значения 'входящий в состав органов, управляющих государством' (*гсдрьственный Посолский приказ*) и 'представляющий интересы государства' (*норвецкие гсдрьственные послы*), развивается фактически качественная семантика 'имеющий значение для государства, влияющий на внутреннее и внешнее положение государства' (*А в воскресный день никого не судити и в приказех не сидеть, и никаких дел не делати, oprичь самых нужных государственных дел* (Улож. 1649 г.); *И ты бѣ о томъ къ намъ, великимъ государемъ, къ Москвѣ, писалъ, а отписку велѣлъ подати*

³ Памятник предположительно является пародией на романтические повести XVII в. (о Бове Королевиче, Еруслане Лазаревиче и др.).

въ Новгородскомъ приказъ нашия царьственные болия печати и государьственные великихъ и посолскихъ дгль оберегателю... князю Василью Васильевичю [Голицыну] (А. Кунг., 1688 г.). Прилагательное *братственный* используется в формуле *братственная дружба (и любовь)*, обозначающей мирные, дружественные отношения между монархами, государствами. В этой формуле как синонимичное могло использоваться и прилагательное *братский*, но основной его семантикой была относительная.

Можно также предположить развитие качественной семантики в первую очередь у высокочастотных и многозначных относительных ИП (притом что в целом для относительных ИП не типична развитая семантическая структура). Так, семантику качественной оценки развивают ИП *главный* и *головной*. Оба они по происхождению относительные и хорошо известны с такой семантикой в памятниках русского языка конца XV – XVII в., из них более распространён русизм *головной*. Исходной для обоих ИП является семантика ‘относящийся к голове’ (в значении ‘верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть тела животных, содержащая мозг’). Прилагательное *головной* имеет также метонимическое значение ‘служащий для покрытия головы’ (*два плата женских головных*). У обоих ИП развивается относительная семантика ‘относящийся к убийству’ (*главное дело*) и ‘совершивший убийство’ (*головной тать*) на базе хорошо известного в языке конца XV – XVII в. значения слова *голова* ‘убитый человек’⁴ (откуда и современный термин *уголовное право*).

Прилагательное *головной*, кроме того, может иметь и относительную семантику, базирующуюся на других значениях слова *голова*: ‘относящийся к голове’ в значении ‘человек как единица налогового обложения’ (*головная пошлина* ‘налог при продаже или возврате крепостных хозяину’), ‘имеющий округлую форму’ (*сахар головной*). Важно, что оба ИП развивают и качественную семантику ‘основной, важнейший’ на базе осмысления важности, значимости головы как части тела: *и все главные знамена и малые у них взяты у испанскихъ* (В-К II, 1642 г.); *Велите гсдри на тово моего головного недруга на Петра Красного мнѣ дати свою гсдрву оборон* (МДБП, 1633 г.). Лексема *головной* может иметь и семантику ‘лучший, отборный’: *Да крестьянину дал [староста Грязной] головных смян 2 чети* (Вологод. док., 1617 г.). Показательна при этом синонимия с качественными ИП *добрый, хороший (лутчий)*: *Учал... имать добрыми, головными, лутчими собольми* (Сл. Мангаз., 1637 г.); *Добрѣ жестоко из нашег наряду... стряляли и бошую шкodu починили головные их лутчие пушки и станки попорчены* (В-К V, 1650 г.). В этом значении у прилагательного *головной* появляется и грамматический показатель качественной семантики – оно может использоваться в превосходной степени: *Одиннатцать пуд пороху да привѣсного самого головного мушкетного пороху* (Сл. Перм. I, 1697 г.).

Иначе говоря, многозначные ИП *головной* и *главный* развивают в языке конца XV – XVII в. качественную семантику, а, к примеру, прилагательное с меньшей частотностью и менее развитой семантической структурой *головинный* имеет только относительное значение. Примечательно, что в современном

⁴ Такой метафорический перенос наименования с меной категориальных признаков (неодушевлённое/одушевлённое), характерный для современного языка, мало типичен для языка конца XV – XVII в., подобные примеры единичны.

русском языке неполногласная лексема *главный* используется только как качественное прилагательное с семантикой ‘главный, важнейший’ (то есть можно констатировать переход относительного прилагательного в качественное), а слово *головной* известно преимущественно как относительное прилагательное (*головная боль*) и только в единичных лексикализованных сочетаниях имеет качественную семантику ‘главный, ведущий’ (*головной филиал*) (ср. общую тенденцию развития абстрактной семантики неполногласными образованиями).

Таким образом, в языке конца XV – XVII в. редки случаи формирования качественной семантики у относительных и притяжательных ИП. Более характерно развитие переносных значений у качественных ИП:

- *большой* ‘значительный по размерам, величине, численности, интенсивности и т. п.’ и переносное ‘главный, основной, важный’ (*А рядовымъ бы людем в болшии дела не вниматца* (В-К IV, 1648 г.));

- *больной* ‘страдающий какой-либо болезнью; лишённый здоровья’, ‘(о частях тела) являющийся источником боли, причиняющий страдания’ и переносное ‘такой, к которому испытывают привязанность; любимый’ (*Псу болны щенята а свиньъ поросята* (Сим. Посл., XVII в.));

- *дорогой* ‘имеющий значительную стоимость, высокую цену’, ‘(о цене, стоимости) высокий, имеющий значительное денежное выражение’, ‘(о деньгах) такой, за который можно купить много товаров’ и переносное ‘имеющий особое значение, важный для кого-либо’ (*Дорого яичко к Велику дни* (Сим. Посл., 94, XVII в.)), ‘(о человеке) близкий, любимый’ (*Дорога де ты мнѣ, женка, и съ Божьимъ милосердиемъ* (Сид, 1635 г.)).

Перехода качественных ИП в относительные тоже не обнаруживается. Можно отметить только некоторое ослабевание качественной семантики при употреблении ИП в составных наименованиях, использующихся как номенклатурные названия реалий: *белое железо* ‘жесть’, *горячее вино* ‘водка’, *дорогое каменье* ‘драгоценные камни’, *прямые сапоги* ‘обувь, сшитая по одной колодке, без различения правой и левой ноги’ и т. п.

Выводы

1. В основу выделения грамматических разрядов ИП в истории русского языка должен быть положен семантический критерий. При этом категориальная семантика – это характеристика конкретного ЛСВ прилагательного. В истории языка выделяются соответствующие традиционным разрядам ИП группы, в их функционировании наблюдается ряд особенностей: широкая словообразовательная вариативность и в ряде случаев семантическая дублетность, обилие относительных ИП, немногочисленность ИП качественной оценки, компенсируемая их частотностью и многозначностью вплоть до развития синкретичного значения.

2. Переход ИП из разряда в разряд – диахроническое явление. На синхронном уровне фиксируется неполный (частичный) переход, заключающийся в развитии многозначности лексемы и появлении у ИП несвойственной категориальной семантики. В языке конца XV – XVII в. границы между лексико-грамматическими разрядами ИП были менее условными, чем в современном русском

языке: фиксируется значительно меньше контекстов, в которых возникает новая семантика.

3. За исключением образования цветообозначений на базе относительных ИП от названий предметов характерного цвета, в языке конца XV – XVII в. не наблюдается регулярной многозначности в развитии новой категориальной семантики ИП.

4. Анализ отдельных случаев неполного перехода ИП в истории языка позволяет предположить зависимость развития новой категориальной семантики от принадлежности ИП к определённой тематической группе, словообразовательной структуры, одно-/многозначности и частотности, а также жанра памятника, то есть типа текста.

5. Переход ИП в другой разряд может быть узуальным и контекстуальным, в истории языка имеет место и тот, и другой, но разделение их зачастую затруднительно.

6. Изучение развития ИП новой категориальной семантики имеет непосредственный выход в лексикографическую практику в связи с необходимостью выделения типовых значений ИП и регулярных семантических трансформаций при явной недостаточности отсылочных словарных толкований.

В целом в русском языке конца XV – XVII в. только закладываются основы, намечаются тенденции использования ИП в контекстах с новой семантикой, сопровождающейся меной существенных свойств.

Summary

E.V. Generalova. Lexico-Grammatical Classes of Adjectives as a Historical Category (Based on the Material of the Russian Language from the Late 15th till the 17th Century).

The paper deals with the question of ambiguity of the division of adjectives into lexico-grammatical classes. The author shows the mobility of the boundaries between the classes of adjectives in the history of the Russian language, using “The Dictionary of Everyday Russian in Moscow Russia in the 16th–17th Centuries” and its card index. The analysis shows that the boundaries between the lexico-grammatical classes were steadier than in modern Russian. It is assumed that the development of a new categorial semantics may depend on the lexico-semantic class to which an adjective belongs, its word-formation and semantic structures, frequency as well as on the text type.

Keywords: adjective, class, Russian language from the late 15th till the 17th century, semantics, vocabulary.

Источники

- А. Ивер. м. – Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706 гг.), собранные архимандритом Леонидом // Российская историческая библиотека. – СПб., 1878. – Т. 5. –
- А. Кунг. – Кунгурские акты XVII в. (1668–1699 гг.). – СПб., 1888.
- АСЭИ I – Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XVI – начала XVII в. – М., 1952. – Т. 1.
- АХБМ II – Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова. Ч. 2. – М.–Л., 1945.
- В-К II – Вести-Куранты 1642–1644 гг. – М., 1976.
- В-К IV – Вести-Куранты 1648–1650 гг. – М., 1983. –

- В-К V – Вести-Куранты 1651, 1652, 1654, 1656, 1658, 1660 гг. – М., 1996.
- Вкл. Нижегород. – Вкладная книга Нижегородского Печерского монастыря // Чтения ОИДР. – 1898. – Кн. 1, отд. 1.
- Вологод. док. – Хрестоматия по истории вологодских говоров (тексты XVI – нач. XVIII в.). – Вологда, 1975.
- ИНРЯ – *Котков С.И., Панкратова Н.П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. – М., 1964.
- МДБП – Московская деловая и бытовая письменность XVII в. – М., 1968.
- РД III – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. – М., 1962. – Т. 3.
- РШЭО – Русско-шведские экономические отношения в XVII в. – М.-Л., 1960.
- Савваитов – *Савваитов П.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружий, ратных доспехов и конского прибора. – СПб., 1865.
- Сид – *Новомбергский Н.* Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1 // Зап. Моск. археол. ин-та. – М., 1911. – Т. 14.
- Сим. Посл. – Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. / Собрал П. Симони // Сб. ОРЯС. – СПб., 1899. – Т. 66, № 7.
- Сказ. – Сказание о молодце и девице // Памятники литературы Древней Руси: XVII в. Кн. 2. – М., 1989.
- Сл. Мангаз. – Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII в. – Красноярск, 1971.
- Сл. Перм. – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII в. – Пермь, 1993. – Вып. 1.
- Торг. Кн. (С) – Торговая книга / Предисл. И.И. Сахарова // Зап. Отд. рус. и слав. археологии Археол. о-ва. – СПб., 1851. – Т. 1, отд. 3.
- Улож. 1649 г. – Соборное уложение царя Алексея Михайловича. 1649 г. // Памятники русского права. – М., 1959. – Вып. 6.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <http://search.ruscorpora.ru>, свободный.

Литература

1. *Никитин О.В.* Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII веков // Рус. яз. в школе. – 2005. – № 5. – С. 100–103.
2. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
3. *Данилова З.П.* К вопросу о лексико-грамматических разрядах прилагательных // Вопросы теории и методики изучения русского языка (морфология) (Учён. зап. Казан. гос. пед. ин-та. Вып. 161). – Казань, 1976. – С. 130–138.
4. *Коробова Э.И.* Семантическая структура отыменного относительного прилагательного // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1972. – С. 239–243.
5. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки рус. культуры, 1996. – 473 с.
6. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): в 10 т. – М.: Рус. яз., 1989. – Т. 2 (Възалкати – добродетель). – 496 с.
7. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв. – СПб.: Наука, 2011. – Вып. 4 (Гагара – гуща). – 312 с.

8. *Бурыкин А.А.* Из истории прилагательных, образованных от имён числительных в русском языке (наименования мер веса моржового клыка в русских сибирских документах второй половины XVII в.) // Мысли о русском языке: прошлое, настоящее и будущее. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 59–61.
9. Русская грамматика: в 2 т. – М.: АН СССР, ИРЯ, 1980. – Т. 1. – 788 с.
10. *Алимтеева Р.В.* Становление лексико-семантических групп цветowych прилагательных в русском языке I половины XIX в. // Вопросы семантики. Исследования по исторической семантике. – Калининград: Калинингр. гос. ун-т, 1982. – С. 49–60.
11. *Брагина А.А.* Лексика языка и культура страны. – М.: Рус. яз., 1986. – 151 с.
12. *Бахилина Н.Б.* История цветообозначений в русском языке. – М.: Наука, 1975. – 286 с.
13. *Генералова Е.В.* Функционирование образований от этнонимов в современном русском языке в свете формирования этностереотипов // Основные тенденции развития русского и других славянских языков в современном мире. – Брно: Tribun EU, 2014. – С. 72–77.
14. *Генералова Е.В.* Прилагательные, образованные от топонимов: проблема семантической и лексикографической информативности // Русская историческая лексикология и лексикография. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – Вып. 6. – С. 41–51.

Поступила в редакцию
15.07.14

Генералова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: elena-generalova@yandex.ru